

Как и в тот вечер, когда им было по восемнадцать, в опустевшем после игры в «короля» классе, Жун Чэнь наконец снова произнес эти два слова.

Цзи Миньюй, совсем как тогда, молча смотрел на него.

Из-за травмы обычно холодный Жун Чэнь сейчас казался горячим, словно в лихорадке. Его дыхание обжигало, а во взгляде горел нетерпеливый, лихорадочный блеск.

Он попросил о поцелуе, но уже в следующее мгновение, не дожидаясь ответа, сам порывисто подался вперед, припал к губам Цзи Миньюя и требовательно прикусил его нижнюю губу.

Чувства, копившиеся слишком долго, наконец вырвались наружу — Жун Чэнь больше не намерен был ждать ни секунды.

Дыхание обоих участилось. В полумраке больничной палаты не громче шороха звучал лишь шелест сминаемой одежды да влажный звук глубоких, жадных поцелуев.

Одной рукой Жун Чэнь крепко обнимал Цзи Миньюя за широкую спину, а пальцы другой, уцелевшей руки переплел с его пальцами. В этом поцелуе не было ни капли нежности или порядка — лишь дикая, первобытная страсть, от которой кружилась голова и мурашки бежали по коже.

Горячий язык хозяйничал во рту, вытесняя последние крохи самообладания. Воздух вокруг словно истончился, дышать стало нечем, и это безумие грозило перерасти в сладостное удушье.

При каждом движении, при малейшем изменении наклона головы они соприкасались то кончиками носов, то лбами, то щеками, осыпая друг друга мимолетными ласками.

Стоило Цзи Миньюю приподнять свободную руку, как Жун Чэнь тут же перехватил ее и прижал книзу.

— Не смей отталкивать меня, — прошептал Жун Чэнь прямо в его губы. Голос сорвался на хрип, но во взгляде сквозила опасная, властная решимость. — Не говори «нет» и не смей утверждать, что я тебе безразличен. Ни единого слова, ни звука.

Цзи Миньюй попытался восстановить сбившееся дыхание. Ощущая мягкость чужих губ на своих, он тихо усмехнулся.

Жун Чэнь сам ответил на собственный вопрос, не оставив ему иного выбора.

Тогда Цзи Миньюй подался чуть вперед и мягко коснулся губами уголка рта Жун Чэня, тем

самым уступая его первоначальной просьбе.

Жун Чэнь тихо рассмеялся — так, как мечтал уже очень давно. Он всем телом прильнул к Цзи Миньюю, бережно осыпая короткими поцелуями его губы, щеки и поднимаясь выше, к самой мочке уха.

— Как думаешь, — выдохнул он ему прямо на ухо, — медсестра скоро придет с обходом?

Словно в ответ на его слова, за дверью в коридоре раздался торопливый, неровный стук шагов.

Казалось, кто-то настойчиво преследовал другого.

Цзи Миньюй удивленно приподнял бровь и повернулся к выходу.

— Господин, стойте, вам нельзя входить в палату! — раздался испуганный женский голос. Медсестра пыталась говорить вполголоса, но в тишине пустого ночного коридора ее слова отчетливо долетали до ушей. — Если вы действительно родственник пациента, вам необходимо сначала зарегистрироваться на посту!

Клиника была частной, и вопросы конфиденциальности здесь всегда стояли на первом месте.

Однако вошедший мужчина проигнорировал все правила. Едва переступив порог, он бросил дежурному персоналу, что пришел навестить больного, и уверенным шагом направился напрямик к нужной двери.

— Не твое дело. Там лежит мой сын, так что никаких проблем не возникнет, — отрезал властный мужской голос. В его уверенном тоне угадывалось едва сдерживаемое раздражение, готовое вот-вот прорваться наружу.

Цзи Миньюй сразу узнал этот голос — он принадлежал Жун Хуэю.

— Господин! — испуганно вскрикнула медсестра.

Очевидно, мужчина просто оттолкнул ее, заставив девушку издать протестующий возглас.

В следующую секунду дверь палаты с грохотом распахнулась. На пороге стоял Жун Хуэй.

В тихой одноместной палате, залитой лишь слабым светом, Цзи Миньюй сидел на краю кровати, а Жун Чэнь находился к нему практически вплотную. Оба они одновременно повернулись к незваному гостю.

Они сидели так близко, почти соприкасаясь плечами, что для человека консервативных взглядов подобная сцена показалась бы верхом неприличия.

Воздух в комнате мгновенно застыл.

Застывшая в дверях медсестра, оценив обстановку, не решилась издать ни звука.

В этот напряженный момент в коридоре наконец показались охранники, которых дежурная успела вызвать тревожной кнопкой.

Несколько крепких мужчин с резиновыми дубинками наготове окружили нарушителя спокойствия. Старший смены, окинув взглядом присутствующих, хмуро спросил у медсестры:

— Что здесь происходит?

Жун Хуэй даже не повернулся полностью, лишь бросил через плечо ледяной взгляд:

— Семейное дело. Наша частная клиника теперь вмешивается в семейные разборки?

— Но вы нарушили правила и ворвались без разрешения! — с обидой в голосе возразила медсестра.

Охранники нерешительно переглянулись, не зная, как поступить в этой ситуации, но тут в коридоре показался еще один мужчина в элегантном строгом костюме. Он торопливо подошел к палате.

— Председатель Жун, прошу прощения за задержку, — выдохнул он. Это был секретарь Цзи.

Жун Хуэй коротко кивнул:

— Секретарь Цзи, уладишь это с ними.

Поправив очки на переносице, секретарь Цзи молча кивнул в знак согласия.

Когда шаги удаляющейся охраны и секретаря затихли, в палате вновь воцарилась гнетущая тишина.

Жун Хуэй перевел тяжелый взгляд на Цзи Миньюя.

— А ты, я вижу, уходить не собираешься?

Цзи Миньюй слегка приподнял брови, изображая искреннее удивление. Его взгляд оставался ясным и пронизательным.

— О? А я-то думал, вы хотите что-то сказать именно мне.

— Понятия не имею, о какой чуши ты говоришь, — без тени эмоций ответил Жун Хуэй. Однако его следующая фраза прозвучала со скрытой угрозой: — Впрочем, всему свое время. Наш разговор еще впереди. А сейчас мне нужно поговорить с сыном с глазу на глаз.

Цзи Миньюй усмехнулся. В этой улыбке скользнула непривычная для него, едва уловимая язвительность.

Он направился к выходу, но, поравнявшись с Жун Хуэем, на секунду замер, словно только что вспомнив о незначительной детали:

— Кажется, я просил передать господину Жуну, чтобы он больше не смел портить мою машину.

Жун Хуэй даже бровью не повел. Он посмотрел на него свысока, с абсолютным хладнокровием:

— И что с того?

— Совсем скоро я предоставлю вам счет за ущерб, — мягко пообещал Цзи Миньюй.

— Поговорим об этом, когда у тебя на руках будут хоть какие-то доказательства, — сухо отрезал Жун Хуэй, даже не повернув головы.

Цзи Миньюй лишь вежливо улыбнулся и едва заметно кивнул, после чего покинул палату.

Свет в комнате так и не включили. На полу тусклым серебром лежала дорожка холодного лунного света.

Жун Чэнь, не отрывая взгляда от окна, негромко произнес:

— Интересно, что же такое господин Жун хочет мне сообщить, раз ему так потребовалось избавиться от лишних ушей.

— Хм. Мои слова и впрямь могут показаться тебе слишком грязными для чужого слуха, — усмехнулся Жун Хуэй. — Но если тебе так хочется опозориться перед Цзи Миньюем, я могу вернуть его обратно.

— Не стоит. Боюсь, от твоих речей у него завянут уши, — Жун Чэнь тихо рассмеялся и наконец повернулся к отцу. Его взгляд был абсолютно спокоен. — Я не собирался тебя искать, но ты сам явился ко мне.

Жун Хуэй не выказал и тени беспокойства.

Он не был похож на трусливого Гэ Чжуна, который после случившегося задрожал от страха разоблачения и потерял покой, ожидая неминуемой расплаты.

Жун Хуэй крепко держал все нити игры в своих руках и был уверен в собственной победе. У него оставалось достаточно сил и влияния, чтобы явиться сюда и призвать сына к ответу.

— Если бы я не вмешался, ты хоть представляешь, какими заголовками пестрили бы завтрашние утренние газеты? — жестко спросил он.

Пытаясь спасти Цзи Миньюя, Жун Чэнь на полной скорости протаранил автоматический шлагбаум на въезде в подземный паркинг, разнеся его в щепки.

Дело происходило в оживленном торговом квартале, посреди дня, на глазах у десятков случайных свидетелей.

А теперь наследник Группы Жун лежит в больнице с переломом. Стоило бы репортерам связать эти события воедино, и грандиозного скандала было бы не избежать.

Узнав о случившемся, Жун Хуэй незамедлительно отправил секретаря Цзи подчищать следы.

Лишь несколько минут назад тот окончательно уладил вопрос с прессой, гарантируя, что завтра в медиапространстве не появится ни единого упоминания об инциденте.

Жун Чэнь ответил на это ледяным тоном:

— Мы оба прекрасно знаем, из-за чего все началось.

— Да, мне твои напоминания не нужны, — Жун Хуэй сам отдавал приказы, так что прекрасно понимал подоплеку.

Однако его это ничуть не заботило. Он пренебрежительно хмыкнул:

— Но запомни: истинная причина этого хаоса кроется в тебе самом. — Он резко указал пальцем на дверь. — В тебе и в этом Цзи Миньюе.

— И вот к чему все привело, — Жун Хуэй окинул холодным взглядом его сломанную левую руку в гипсе. — Надеюсь, теперь-то ты осознал, с какими силами играешь.

В ответ раздалось лишь тяжелое молчание.

Спустя мгновение Жун Чэнь поднял голову. Он слегка приподнял поврежденную руку и внезапно расплылся в медленной, пугающей улыбке.

— И это все, на что ты способен?

От этой безумной улыбки у Жун Хуэя по спине пробежал неприятный холодок.

Он долго всматривался в помрачневшее лицо сына, неожиданно для себя потеряв дар речи.

Наконец, справившись с секундным замешательством, Жун Хуэй поправил лацканы дорогого пиджака и вернул себе привычное величие.

— Что ж, посмотрим, кто из нас в итоге приползет просить о пощаде.

С этими словами он развернулся и решительным шагом направился к выходу. Проходя мимо соседней палаты, он машинально заглянул внутрь сквозь стеклянное окошко в двери.

Дверь была приоткрыта. Цзи Миньюй сидел на широком подоконнике и задумчиво созерцал висящую в ночном небе луну.

Жун Хуэй на секунду замедлил шаг и негромко бросил ему вслед:

— Дам тебе последний совет: убирайся отсюда, пока еще можешь. Иначе потом горько пожалеешь, да только поздно будет.

Цзи Миньюй ничего не ответил. Лишь слегка прикоснулся пальцами к запястью, где под кожей невыносимо пекло.

<http://bllate.org/book/20118/2003942>